

Ю.И. Шамурин

Подмосковные

Книга 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Ю11

Ю.И. Шамурин
Ю11 Подмосковные: Книга 2 / Ю.И. Шамурин – М.: Книга по Требованию, 2023. – 103 с.

ISBN 978-5-458-14144-4

В книге Ю.Шамурина "Подмосковные" речь идет о русской усадебной культуре, наиболее интересных в художественном отношении подмосковных усадьбах и поместьях XVIII века, а также тех, прошлая жизнь которых представляется ярким образцом барской культуры: Кусково, Архангельское, Останкино, Царицыно, Кузьминки, Ярополец, Марфино и др. Описывая внешний вид и бытовую жизнь усадьбы, автор не забывает рассказывать и об их владельцах. Книга 2. Москва, издание Товарищества "Образование", 1914 год

ISBN 978-5-458-14144-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

XVII вѣкъ.

Каждая эпоха архитектурнаго расцвѣта знаетъ двѣ разновидности строительнаго творчества—городскую и «сельскую». Въ городѣ архитекторъ получаетъ гладкую площадь, и весь эффектъ своего произведенія основывается на его чисто архитектурныхъ достоинствахъ. Единственное условіе, съ которымъ всегда считается чуткій и зрѣлый художникъ, — стиль, характеръ окружающихъ зданій: городское строеніе—частица огромнаго цѣлага, и безъ взаимоотношенія съ этимъ цѣлымъ кажется чѣмъ-то случайнымъ и ненужнымъ. Въ городѣ природа не даетъ художнику-строителю никакихъ вспомогательныхъ ресурсовъ: архитектура остается самовластнымъ искусствомъ.

Въ «сельскихъ» постройкахъ, имѣющихъ «пшѣнительнымъ» фономъ природу, архитектурная красота зданія усиливается и выдѣляется цѣлымъ рядомъ постороннихъ средствъ: тотъ или другой рельефъ поверхности, зелень, вода, открытая даль — все это усложняетъ задачи строителя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и даетъ ему богатія эстетическія возможности...

Человѣчество очень давно поняло прелесть союза природы и художественнаго творчества. Загородныя виллы Рима, средневѣковые замки, дворцы барокко, барскія усадьбы эпохи классицизма— составляютъ отвѣтвленіе того устремленія архитектуры, которое въ концѣ XVIII-го вѣка получило наименованіе «сельской архитектуры». Характернымъ признакомъ, отличающимъ ее отъ городского строительства, является использованіе природныхъ условій, приспособленіе къ пейзажу. Сюда относятся римскія виллы. Римскіе художники являются создателями «сельской» архитектуры.

Въ послѣдующіе вѣка «сельское» строительство появляется всякій разъ, когда океанъ исторіи поднимаетъ на своихъ гребняхъ классъ утон-

ченнхъ, пресыщеннхъ матеріальными и культурными благами людей; въ такія эпохи утонченности возникаетъ эстетическая тяга къ природѣ, создается сельское строительство. Такъ родились загородные дворцы Византіи, отчасти замки средневѣковья, больше впрочемъ заботившіеся о безопасности, чѣмъ о наслажденіи жизнью.

Особенный расцвѣтъ сельскаго строительства создаетъ Италия XV и XVI-го вѣковъ. Далѣе слѣдуютъ барочные дворцы съ ихъ подстриженными парками, наконецъ—усадьбы эпохи классицизма.

Въ Россіи «сельская архитектура» долго не существовала уже по одному тому, что не было города, создающаго контрастъ съ природой. Боярскія усадьбы, существовавшія вокругъ Москвы въ XVII-мъ вѣкѣ, не оставили никакихъ слѣдовъ, кромѣ великолѣпныхъ церквей, единственнхъ каменныхъ сооруженій вотчины. Безхитростные рисунки иностранныхъ путешественниковъ показываютъ, поскольку, конечно, можно имъ вѣрить, что боярскія вотчины состояли изъ обычныхъ для древней Руси деревенскихъ построекъ, нѣсколько болѣе пышныхъ и обширныхъ.

Типичная усадьба находилась въ с. Архангельскомъ, принадлежавшемъ кн. Голицынымъ. Намъ она извѣстна по описи 1737-го года, но опись упоминаетъ «старый дворъ помѣщиковъ». То были «деревянныя хоромы, состоявшія изъ 3 небольшихъ свѣтлицъ, собственно избъ, восьмиаршинныхъ, соединенныхъ сѣнями. Внутреннее убранство ихъ было просто. Въ переднихъ углахъ иконы, у стѣнъ лавки, печка изъ желтыхъ изразцовъ; въ одной свѣтлицѣ было 2 окна, въ другой—4, въ третьей—5; въ окнахъ стекла въ свинцовыхъ переплетахъ, столы дубовые, 4 кожаныхъ стула, еловая кровать съ периною и подушкою въ пестрединныхъ и выбойчатыхъ наволокахъ и т. п. При свѣтлицахъ—баня, а на дворѣ, огороженномъ рѣшотчатымъ заборомъ, разныя службы—поварня, погребъ, ледникъ, амбаръ и житницы съ хозяйственными запасами...»¹⁾

Конечно, той тяги къ природѣ, которую мы замѣчаемъ въ пресыщенныхъ людяхъ Запада, въ Москвѣ XVII-го вѣка быть не могло: сельскія постройки были не «Эрмитажамъ», не «Приютамъ музъ и грацій», а всего только уютнымъ лѣтнимъ жильемъ. Тѣмъ не менѣе, на основаніи нѣсколькихъ сохранившихся памятниковъ, можно утверждать, что русскіе мастера XVII-го вѣка умѣли различать заданія городского и сельскаго строительства. Конечно, не въ смыслѣ созданія новыхъ художественныхъ образовъ, а только въ смыслѣ приспособленія къ условіямъ мѣста.

Подъ Москвой сохранились остатки двухъ богатыхъ усадебъ XVII-го вѣка—Коломенскаго и Измайлова. Сохранность ихъ, правда, весьма печальная: уцѣлѣли только церкви, да нѣсколько башенъ, исчезли дворцы, сады, многочисленныя службы. Но эти остатки, дополняемье литературными сви-

¹⁾ И. Е. Забелинъ, Опыты по исторіи р. древностей. Т. II. стр. 232.

дѣльствами, даютъ полную картину боярскаго подмосковнаго помѣстья XVII-го вѣка. Однако нельзя упускать изъ вида, что какъ Измайлово, такъ и Коломенское, находились въ исключительныхъ условіяхъ: Измайлово, родовая вотчина Романовыхъ, обстраивалось уже царями—Алексѣемъ Михайловичемъ и Феодоромъ Алексѣевичемъ; Коломенское же съ очень раннихъ временъ было собственностью московскихъ князей и служило загороднымъ дворомъ. Несомнѣнно, что ни одно боярское помѣстье не обладало такими обширными и многочисленными каменными постройками, но разница не такъ ужъ безпредѣльна.

Разница эта болѣе количественная, чѣмъ качественная. Въ боярскихъ вотчинахъ не было такихъ огромныхъ дворцовъ, но типъ деревянныхъ палатъ оставался тотъ же. Не было каменныхъ башенъ и воротъ, но близкія къ нимъ деревянныя ограды съ башнями окружали крупнѣйшія вотчины. Главное отличіе въ томъ, что увлеченіе пышностью, создавшее ослѣпительную красочность Коломенскаго дворца, гораздо медленнѣе и слабѣе захватывало бояръ. Однако и въ боярскихъ вотчинахъ во второй половинѣ XVII-го вѣка появляется европейская мебель, картины, строятся «аранжереи», усложняется типъ усадебныхъ построекъ. Все это первые робкіе подступы того бытового уклада, который цѣлостно сложился въ срединѣ XVIII-го вѣка.

I. Коломенское ¹⁾).

Коломенское стоит на высокомъ берегу Москвы-рѣки. Издали видны только оригинальныя церкви и вышки башенъ, окруженныя густыми старыми деревьями. Весь обликъ обычного подмосковнаго пейзажа, но только необычныя формы церквей говорятъ, что это памятное историческое мѣсто. Надъ Коломенскимъ высится бѣлая церковь Вознесенія—одинъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ русскаго церковнаго зодчества XVI-го вѣка. Лѣвѣе ея виднѣется небольшая колокольня, и еще лѣвѣе, почти скрытая деревьями, Водовзводная или Соколиная башня. За церковью Вознесенія видны заднія ворота бывшаго коломенскаго дворца, съ позднѣйшими служебными корпусами по сторонамъ. Правѣе выглядываетъ изъ-за деревьевъ церковь Казанской Божіей Матери. Вотъ и все, что сохранилось отъ древняго Коломенскаго. Не видны отъ Москвы-рѣки только переднія ворота дворца, находящіяся за церковью Казанской Божіей Матери.

Значительно лѣвѣе виднѣется церковь Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи въ селѣ Дьяковѣ. Церковь эта, такой же важный архитектурный памятникъ, какъ и церковь Вознесенія, построена нѣсколькими годами раньше ея, и связана съ Коломенскимъ общей судьбой, такъ какъ Дьяково тоже было вотчиной московскихъ князей.

Уже Іоаннъ Калита владѣлъ Коломенскимъ. Оно упоминается въ его духовной грамотѣ: «А се дальъ сыну своему Андрею... село Коломенское...» Въ послѣдующіе вѣка Коломенское всегда оставалось «за государемъ». Есть косвенныя указанія, что уже въ началѣ XVI-го вѣка здѣсь существовалъ загородный государевъ дворъ. Неоднократно упоминается о пребываніи московскихъ царей въ Коломенскомъ; та любовь, съ которой сооружаются храмы здѣсь и въ сосѣднемъ Дьяковѣ, оригинальность ихъ формъ — все это говоритъ о любовномъ вниманіи къ этой государственной вотчинѣ.

Кромѣ того Коломенское являлось надежнымъ стратегическимъ пунктомъ, защищавшимъ Москву съ юга, со стороны татаръ; оно постоянно упоминается въ лѣтописныхъ описаніяхъ вражескихъ нашествій и московской обороны. Такъ 11 августа 1533-го года «пришла къ великому князю вѣсть съ поля», разсказываетъ Софійскій временникъ, «что къ Рязани

¹⁾ Въ 2 верстахъ отъ станицы Перерва, Моск.-Курской ж. д.

идуть люди Крымские, въ головахъ у нихъ царь Саинъ Кирей да Исламъ царевичъ, со многими людьми, Московскіе земли воевати...» Великій князь, отпустивъ воеводу въ Коломну на берега Оки и поставивъ въ Кремлѣ пушки, «съ княземъ Юрьемъ и Андреемъ Ивановичемъ поиде съ Москвы противу безбожныхъ татаръ на Коломну въ пятокъ на Оспожинъ день и пришедъ ста въ своемъ селѣ Коломенскомъ».

Главный форпостъ Москвы, Коломенское становится мѣстомъ дѣйствія всѣхъ политическихъ тревоженій московскаго государства. Въ 1606 году здѣсь расположились мятежники Болотниковъ, Пашковъ, Ляпуновъ и пр. Митрополитъ Филаретъ въ своей грамотѣ упоминаетъ Коломенское: «Забывъ страхъ Божій, и часъ смертный, и судный страшный день, пришли къ царствующему граду Москвѣ, въ Коломенское, и стоятъ и рассылаютъ воровскіе листы по городамъ и велятъ вмѣшати въ шпныи и боярскіе и дѣтей боярскихъ люди и во всякихъ воровъ всякіе злые дѣла на убіеніе и на грабежъ и велятъ цѣловати крестъ мертвому злодѣю и прелестнику, а сказываютъ его проклята жива.»¹⁾

Въ XVII-мъ вѣкѣ Коломенское становится лѣтнимъ мѣстопребываніемъ царей, мѣстомъ ихъ охотничьихъ потѣхъ и хозяйственныхъ заботъ. Однако тревожная московская жизнь бросаетъ и сюда свои кровавыя волны!

Въ 1670 году загорается въ Москвѣ бунтъ. Алексѣй Михайловичъ же въ это время находился въ Коломенскомъ и слушалъ обѣдню. Мятежная толпа пришла къ царю и просила выдать неугодныхъ бояръ «на убіеніе». «И царь ихъ уговаривалъ тихимъ обычаемъ, чтобъ они возвратились и шли назадъ къ Москве... и тѣ люди говорили царю и держали его за платье за пуговицы: «чему де вѣрить?» И царь обѣщался имъ Богомъ, и далъ имъ на своемъ словѣ руку, и одинъ человекъ изъ тѣхъ людей съ царемъ билъ по рукамъ и пошли къ Москвѣ всѣ», рассказываетъ современникъ Григорій Котошихинъ²⁾.

Затѣмъ мятежники снова вернулись въ Коломенское: «...и они учили царю говорить сердито и невѣжливо, зъ грозами: «будетъ онъ добромъ имъ тѣхъ бояръ не отдастъ, и они у него учнутъ имать сами, по своему обычаю». Царь видя ихъ злой умыслъ... і видя, что стрелцы къ нему на помощь въ село пришли, закричалъ и велѣлъ столшникомъ, и стряпчимъ, и дворяномъ, и жишомъ, и стрелцомъ, и людсмъ боярскимъ, которые при немъ были, тѣхъ людей бити и рубити до смерти и живыхъ ловити. И какъ ихъ почали битъ, и сѣчь, и ловить, а имъ было противиться не умѣтъ, потому что въ рукахъ у нихъ не было ничего ни у кого, почали бѣгать и топиться въ Москву реку, и потопилося ихъ въ реку болши 80 человекъ, а пересѣчено и переловлено болши 7000 человекъ, а нные разбе-

¹⁾ «Акты Археограф. комиссіи», т. II.

²⁾ «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича». С.-Пб., 1906 г.

жались. И того же дни около того села повѣсили около 78 человекъ; а достальнымъ всѣмъ былъ указъ, пытали и жгли, и по сыску за вину отсѣкали руки и ноги, и у рукъ и у ногъ палцы, а иныхъ, бивъ кнутемъ, и клали на лицѣ на правой сторонѣ признаки; розжегши железо на красное, а поставлено на томъ железе «буки», то-есть, бунтовщикъ, чтобъ онъ былъ до вѣку признатенъ; и чиня имъ наказанія, разослали всѣхъ въ дальніе города, въ Казань, і въ Астрахань, и на Терки, і въ Сибирь, на вѣчное житье... а инымъ пущимъ воровъ того жъ дни, въ ноці, учиненъ указъ: завязавъ руки назадъ, посадя въ большіе суды, потопили въ Москвѣ рекѣ...»

Такъ на всемъ протяженіи XVI-го и XVII-го вѣковъ въ идилическую исторію Коломенскаго, пестрящую декоративными царскими входами, охотничьими потѣхами и праздничными пирами, врываются кровавыя страницы! И страшной легендой кажутся онѣ теперь въ Коломенскомъ, на отлогомъ берегу Москвы рѣки, у Бѣлой церкви, съ галлерей которой далеко видны заливные луга: «...мѣсто зѣло весело и хорошо видѣти поля далече и видѣти вся Москва, монастыри, на Москву реку, подъ самымъ дворомъ текущую» ¹⁾...

Въ XVIII-мъ вѣкѣ Коломенское опустѣло, но его долгая исторія спасла его отъ забвенія. Этому способствовала въ большой степени и возникшая въ серединѣ XVIII-го вѣка легенда о рожденіи Петра Великаго въ Коломенскомъ дворцѣ. А Сумароковъ посвятилъ Коломенскому восьмистишіе на эту тему:

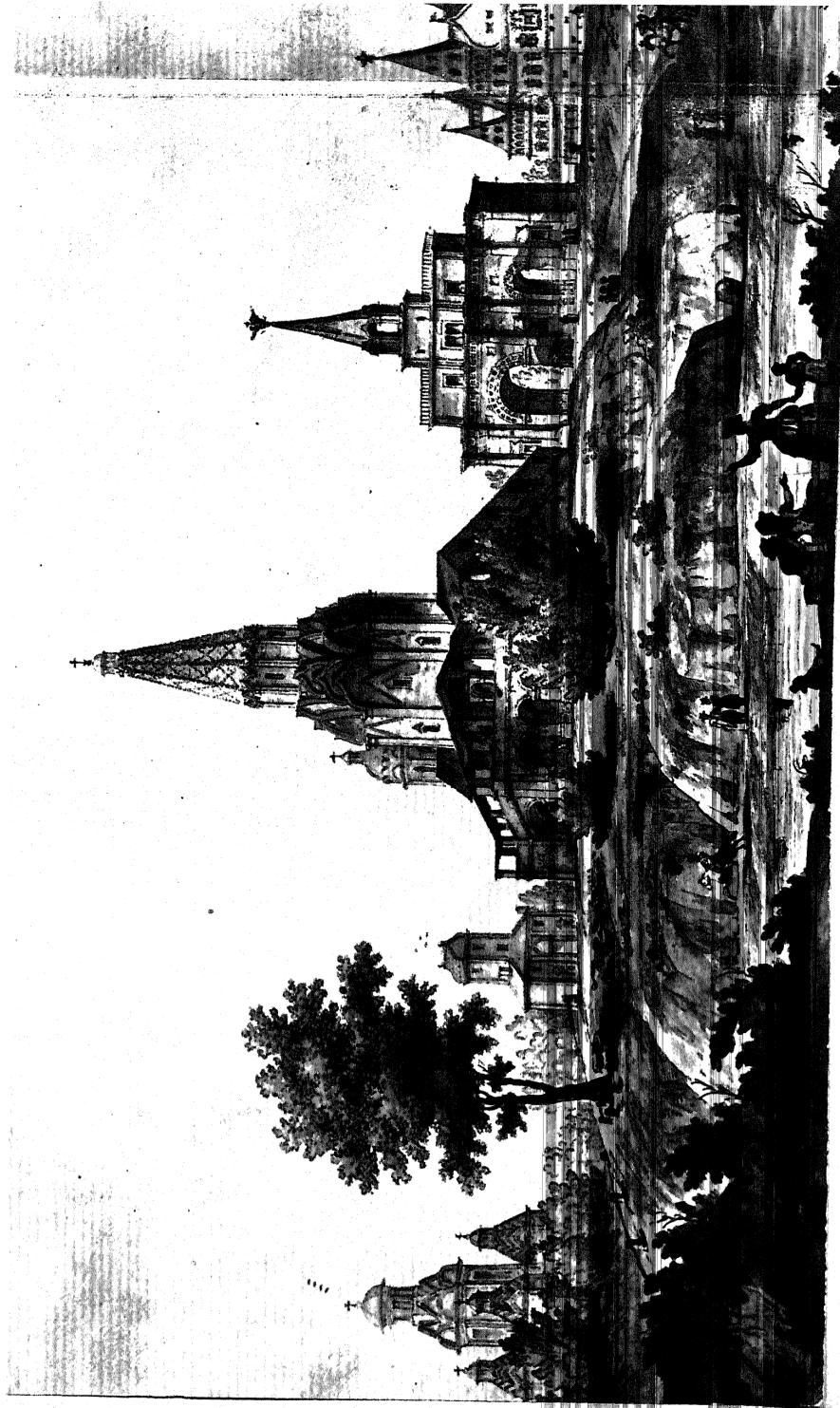
Россійской Внелеемъ, Коломенско село,
Которое Петра на свѣтъ произвело...

Сумароковъ сопроводилъ стихотвореніе своими историческими домыслами, и, сообразно съ духомъ времени, назвалъ основателемъ села Коломенскаго «римлянина, по имени Карла Колонна!» ²⁾.

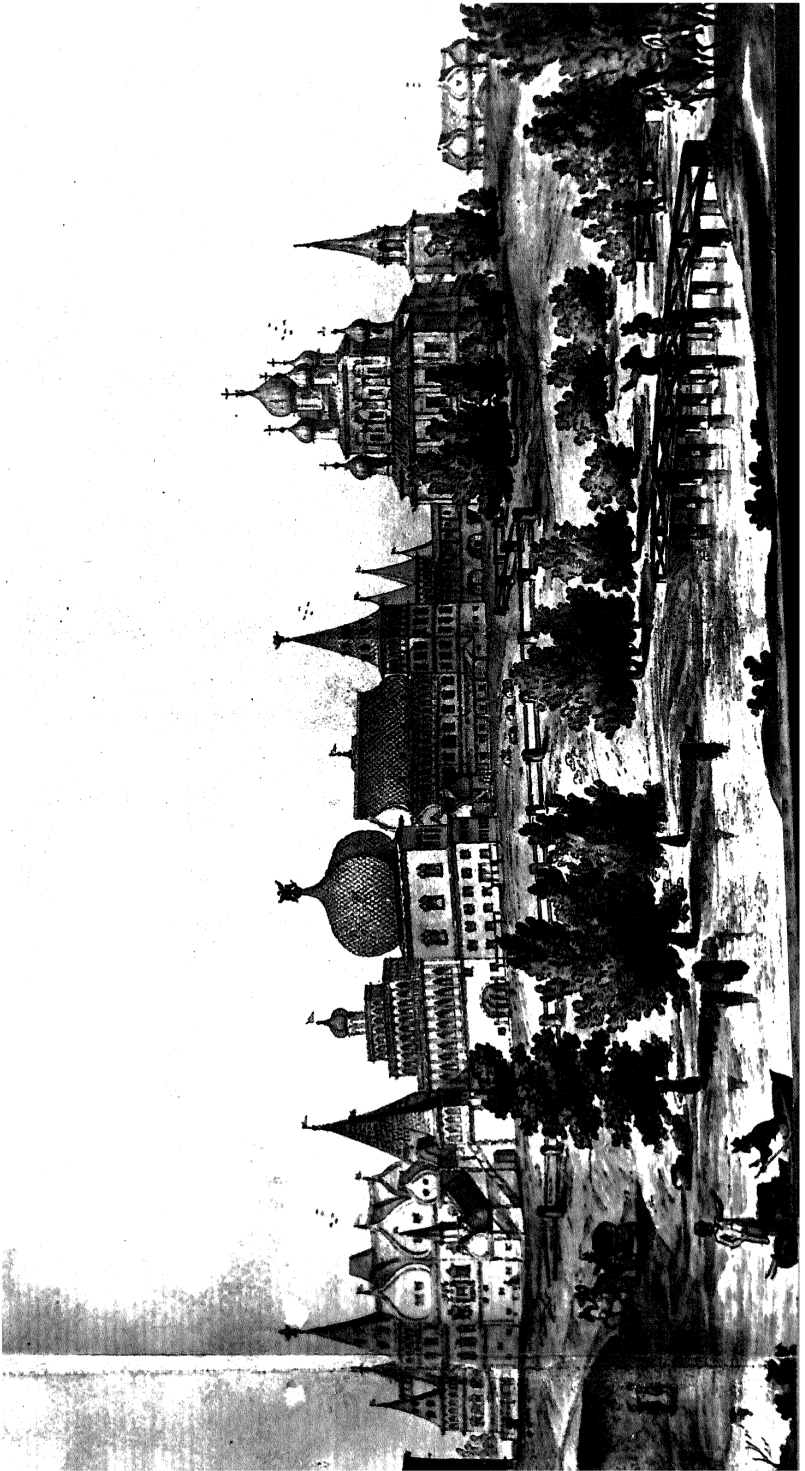
Наиболѣе древней постройкой въ урочищѣ Коломенскаго является Дьяковская церковь Успѣновенія главы Іоанна Предтечи. Вместе съ церковью Вознесенія она представляетъ интереснѣйшую эпоху въ исторіи русскаго искусства, время наибольшихъ исканій, первую половину XVI-го вѣка. Пестрая, затѣйливая, богато украшенная, совершенно необычная среди древнихъ московскихъ церквей, она кажется такимъ же капризомъ, случайностью, какой долго казался соборъ Василя Блаженнаго. Не даромъ людямъ начала XIX-го вѣка казалось, что Дьяковская церковь образецъ

¹⁾ Довнесеніе польскихъ пословъ Яна Гинискаго и Кириана Бжостовскаго королю Михаилу Вишневецкому отъ 27 февраля 1671 года.

²⁾ «Трудолюбивая пчела». 1759 г. Апрель.

Д. КВАРЕНГ И. ПАНОРАМА КОЛОМЕНСКАГО ВЪ КОНЦѢ XVIII-ГО ВѢКА. (ИМПЕРАТОРСКІЙ ЭРМИТАЖЪ.)
Фото-гипо-гравюра Т-ва «Образование».

«индійско-мавританскаго зодчества», подобно тому какъ Василій Блаженный произведеиіе «индійско-готическое»!

Дьяковская церковь поставлена по объѣту великимъ княземъ Василіемъ III, молившимъ у Бога себѣ наслѣдника.

Въ началѣ XVI-го вѣка въ Москвѣ совершается громадная художественная работа: итальянскими мастерами только что выстроены въ Кремлѣ Успенскій и Архангельскій соборы; упроченъ новый типъ собора, съ положенными въ основу формами владимірскихъ храмовъ; нахлынула масса новыхъ формъ и пріемовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтено необходимое мастерство и нѣкоторая сознательность творчества, въ смыслѣ свободы отъ традицій. Кромѣ новыхъ кремлевскихъ соборовъ, въ Москвѣ почти нѣтъ каменныхъ храмовъ, и самыми привычными, самыми «благолѣпными» и понятными эстетическому чувству москвича являются развитыя формы деревянныхъ церквей: ихъ острые шатры, ихъ многочисленныя придѣлы и паперти, связанныя въ одно цѣлое, ихъ закомары и многочисленныя главы—все это любитъ мастеръ Дьяковской церкви и дѣлаетъ смѣлую попытку перенести формы деревяннаго зодчества на камень.

Для насъ церковь Дьякова оданокъ, и ея строитель кажется геніемъ, благодаря своему отважному новаторству, опредѣлившему дальнѣйшее направление церковнаго строительства. Возможно, что многія звенья переноса деревянныхъ формъ къ каменному зодчеству, утрачены временемъ: тогда новаторство мастера Дьяковской церкви уже не такъ дерзко!

Свойства строительнаго матеріала кляли предѣлы размѣрамъ деревяннаго храма. Каждый придѣлъ, а число ихъ нерѣдко превышало пять, требовалъ отдѣльнаго сруба: такимъ образомъ деревянный храмъ представлялся соединеніемъ цѣлаго ряда небольшихъ церквей, каждая при этомъ съ отдѣльнымъ входомъ. Строитель Дьяковского храма вокругъ главной столпообразной церкви расположилъ четыре придѣла по угламъ, соединилъ ихъ открытыми ходовыми галлереями; получился сложный, довольно компактный храмъ, при чемъ каждая часть, внося свою лепту въ красоту цѣлаго, живетъ и самостоятельную жизнью. Церковь осталась пятиглавой, какъ того требовала традиція, но кажется искусно слѣпленной изъ пяти отдѣльныхъ столбовъ. Уступчатые кокошники, несущіе главу и необходимыя въ деревянномъ зодствѣ, мастеръ превратилъ въ декоративные элементы, и при помощи ихъ достигъ сказочнаго богатства верховъ церкви. На западной стѣнѣ онъ помѣстилъ островерхую звонницу, форму выработанную псковичами, но придалъ ей по-московски нарядную обработку.

Хотя свою теперешнюю пеструю раскраску, Дьяковская церковь получила позднѣе, повидимому во второй половинѣ XVII-го вѣка, въ ней нашелъ себѣ первое по времени выраженіе чисто московскій идеалъ пышной нарядности и затѣйливости, расцвѣтшій въ XVII-мъ вѣкѣ. Въ массахъ дьяковскому мастеру удалось сохранить суровый, немного грузный покой

ранней Москвы, но въ декораціяхъ храма онъ ищетъ безконечнаго разнообразія, богатства, щедратаго обилія линий и красокъ. Можетъ-быть, въ этомъ стремленіи его поддерживалъ характеръ ранне-московскихъ деревянныхъ церквей, но однако сохранившіеся на сѣверѣ деревянные храмы XVII-го и XVIII-го вѣковъ овѣяны слержанной, суровой красотой. Повидимому уже въ началѣ XVI-го вѣка, несмотря на усиленное творчество итальянскихъ мастеровъ въ Москвѣ, въ душѣ москвича звучали какія-то восточныя струны, съ ихъ густо насыщенной узорной красотой!.

Интересно отмѣтить, что въ соборѣ Василія Блаженнаго много заимствованій отъ Дьяковской церкви, но такъ же много и отличій. Все это характеризуетъ первую половину XVI-го вѣка, какъ эпоху, еще не выработавшую прочныхъ традицій въ церковномъ зодствѣ, и открывавшую широкой просторъ индивидуальности мастеровъ.

XVI-й вѣкъ въ художественной жизни Москвы поражаетъ многосторонностью своихъ исканій, ихъ свободой и новизной. Все, что оставила эта богатая эпоха не только въ архитектурѣ, но и въ иконописи, и особенно въ области прикладнаго искусства, создаетъ яркій образъ. Тотъ синтезъ Запада и Востока, который часто представляется стихіей русскаго творчества, вылился въ XVI-мъ вѣкѣ въ такія гармоничныя и зрѣлыя формы, какихъ не было ни раньше, ни позднѣе!

Въ XVII-мъ вѣкѣ каждое художественное произведеніе является повтореніемъ общаго типа, рѣдко—разновидностью. Въ XVI-мъ же вѣкѣ каждая церковь, каждая писаная или шитая икона—самостоятельное созданіе, не скованное традиціями. Церковь въ Дьяковѣ и почти одновременно съ ней построенная Вознесенская церковь въ Коломенскомъ,—совершенно различные архитектурные образы...

Вознесенская церковь въ Коломенскомъ, такая отличная, особенно при мимолетномъ впечатлѣніи, отъ Дьяковской, поставлена всего на три года позднѣе, въ 1532 году. Ее поставилъ отецъ Грознаго, тотъ же князь Василій Ивановичъ. Освященіе церкви совершалось съ большимъ торжествомъ: въ Коломенскомъ у великаго князя три дня пировали митрополитъ съ соборомъ духовенства, братья княжескіе и бояре ¹⁾. Лѣтописецъ восторженно отзывался о церкви: «Бѣ же та церковь вельми чудна высотою и красотою и свѣтлостю, якова не была прежде того на Руси... И понеже князь Великій Василій Ивановичъ, Государь всея Русіи, возлюбилъ ю того ради и украсилъ всякою добротю, якоже достоинъ святѣй Божіей церкви...

Коломенская церковь кажется еще болѣе необычной, чѣмъ Дьяковская. Она еще болѣе прямолинейно воспроизводитъ формы деревяннаго

¹⁾ *И. Забылинъ*. Домашній бытъ русскихъ царей. Т. I. М. 1893 г.